

Кавех редко предавался размышлениям о том, какими узами он связан с Аль-Хайтамом. Наверное, за все годы, даже если припомнить прошлое, подобных моментов набралось бы от силы два или три.

Однако вчерашний разговор с Чуей Накахарой разбередил мысли, и теперь эта тема никак не выходила у него из головы.

Он вспоминал Академию Сумеру. Их первую встречу, долгие споры и то пьянящее удивление, когда он вдруг понял: на свете наконец-то появился человек, способный не просто понять его, но и не отставать от бешеного ритма его мыслей.

Вспоминал, как по мере сближения узнал, что Аль-Хайтам рос в похожих условиях. Это открытие родило в душе щемящее сочувствие и желание держаться вместе, согревая друг друга в неприятном мире.

Вспоминал и бесконечные ссоры из-за чужих проблем, и тот холодный, сквозящий абсолютным разочарованием тон, которым Аль-Хайтам подводил итог их спорам.

Да и если быть честным перед самим собой: разве он не видел, что остальные безнадежно отстают от него? Видел, конечно. Но Кавех просто не умел отказывать людям в помощи — и упрямо верил, что Аль-Хайтам поймет его порывы.

В итоге всё полетело к чертям. Они разругались так громко и бесповоротно, что вскоре вся Академия Сумеру только и обсуждала, как два неразлучных гения превратились в заклятых врагов.

В последующие годы судьба устроила ему жестокую проверку на прочность. Кавех с горечью осознал, насколько его возвышенные идеалы чужды суровой реальности, где балом правят звонкие монеты. Именно тогда, как бы больно ни было признавать, его вера пошатнулась.

Старые предостережения Аль-Хайтама внезапно оказались пугающе точными. Для этого вечно равнодушного прагматика те слова были едва ли не верхом душевного порыва — ведь больше всего на свете Аль-Хайтам презирал людей, не способных трезво оценить собственные силы.

Закрутившись в бесконечной суматохе заказов, Кавех спрятал воспоминания поглубже. Он заставил себя забыть и годы в Академии Сумеру, и горькие истины, которыми его потчевал бывший друг.

А потом случилась та самая стройка. Его великая мечта воплотилась в камне среди бескрайних лесов Сумеру, но цена оказалась непомерной — архитектор лишился последней моры и остался ни с чем.

Пытаясь хоть как-то утешить уязвленную душу, Кавех испёк хрустящую галетку в форме

изящного замка. Изделие вышло настолько искусным, что у него просто не поднималась рука сломать его ради того, чтобы съесть.

Но ведь еда создана для того, чтобы её ели. Каким бы великолепным ни был фасад, время безжалостно, и вскоре замок неминуемо превратился бы в рассадник плесени.

Кавех зажмурился и резко ударил по хрупкому тесту — и под обломками блеснул Глаз Бога.

Ирония судьбы: как раз в тот миг, когда он капитулировал перед суровой прозой жизни, небеса благословили его мечту. От этого хотелось одновременно и смеяться во весь голос, и плакать навзрыд.

Ему оставалось лишь проглотить эту обиду. Он заливал тоску вином в тавернах в компании старых приятелей, пытаясь заглушить страх перед туманным, неопределенным будущим.

И тут на его пути снова вырос этот упрямец. Выставив условия, от которых Кавех при всём желании не мог отказаться, Аль-Хайтам приютил его в своём доме.

Назвался арендодателем, но плату особо не тряс. Они вечно препирались, устраивали шумные сцены на глазах у всех прохожих, а на расспросы зевак неизменно цедили сквозь зубы: «Мы заклятые враги».

Кавех тяжело вздохнул.

Они действительно походили на непримиримых соперников. И в то же время — на самых близких, родных людей.

Чертежи больше не шли на ум. Кавех устало уронил голову на столешницу. В золотистом свете настольной лампы ему на мгновение почудились призраки из прошлого — двое беззаботных юношей, у которых вся жизнь была впереди.

Похоже, он и сам окончательно запутался в собственных чувствах.

Но в одном он был уверен твердо: другого такого человека, как Аль-Хайтам, в его жизни больше никогда не будет.

"Да ну его, к черту эти мысли"

Мысли в его голове превратились в какую-то вязкую, податливую кашу: ткни в одном месте — образуется вмятина, а со дна её поднимаются обрывки воспоминаний, то отчетливые до боли, то совсем размытые.

— Кавех... — позвал тихий шепот.

Дверь в комнату приоткрылась. В образовавшуюся щель заглянули сразу несколько любопытных лиц, забавно наслоившихся друг на друга.

— М-м? Что случилось?

Кавех оторвал голову от стола и подошел к двери, чтобы распахнуть её пошире, хотя она и так не была заперта.

Троица ураганом ворвалась в мастерскую, мгновенно оккупировав свободное пространство. Устроившись кружком прямо на напольных подушках, они дружно помахали хозяину руками.

— Нам показалось, что тебе сегодня не уснуть, так что мы пришли травить байки! — весело объявил Годзё.

В руках у незваных гостей пестрели дешевые книжки в мягких обложках. Стоило приглядеться, как Кавех с ужасом опознал в них бульварные любовные романы про принцев, принцесс и невероятно закрученные семейные драмы.

— Начнем! — Сатору поудобнее перехватил первую книгу.

Едва Кавех опустился на свободную подушку, Сатору с самым воодушевленным видом принялся декламировать текст.

Чтение превратилось в своеобразную эстафету: едва выдыхался Годзё, инициативу перехватывала Акико, за ней следовал Чуя. Оставшихся двоих в комнате не было — эти двое, очевидно, отправились штурмовать цитадель Аль-Хайтама.

Впрочем, от подобного терапевтического чтения сон пропал окончательно.

Кавех слушал этот бред с вежливым недоумением. Местные «сказки» разительно отличались от невинных детских историй. Сюжеты так и изобиловали леденящими душу подробностями: вероломно вырезанные почки, похищенные роговицы глаз, принудительное донорство крови, предательство коварных возлюбленных...

Тут были и тоскующие по прежней любви мерзавцы, и несчастные дублерши, изображающие утерянный идеал, и внезапные триумфы вчерашних золушек с обязательным публичным унижением обидчиков.

Похоже, Системный плесенник не врал, хвастаясь необъятными базами данных, если ребята смогли выудить оттуда подобный трэш. У Кавеха от этих леденящих душу драм едва челюсть не

отвисла.

— Пойдите, остановитесь на минуту! — поспешно взмолился архитектор, когда чтецы, закончив первый круг, вознамерились открыть следующий томик.

Главный зачинщик этого безобразия, Сатору, заговорщицки улыбнулся и вытащил из-за спины внушительную стопку книг, с глухим стуком водрузив её в центр круга.

— Не зашло? Хочешь чего-нибудь пожестче? У нас тут еще куча вариантов есть! — Он дружески похлопал ладонью по стопке.

— Нет-нет, пощадите! — Кавех замахал руками. Еще пара глав, и его мозг окончательно откажется соображать, забитый дикими штампами дешевой беллетристики.

— Вы ведь... пришли поговорить обо мне и Аль-Хайтаме, верно? — догадался он. Сложно было не связать их внезапный визит и выбор литературы со вчерашней беседой с Чуей.

— Ага! — хором подтвердила честная компания.

Три пары глаз уставились на него с нескрываемым любопытством.

— Дайте мне время... Я и сам пока толком ничего не понимаю, — Кавех потер виски. Расспросы загнали его в тупик: отмахнуться от ребят не позволяла совесть, но и разложить по полочкам сумбур в собственной душе он сейчас не мог.

— Как только начнете встречаться, сразу нам доложи! — безапелляционно заявил Сатору, переходя в лобовую атаку.

Для этих ребят понятие «романтическая любовь» оставалось чем-то далеким и загадочным, но смотреть на душевные метания своих опекунов им явно надоело. Шушукавшись накануне, они решили взять дело в свои руки. И пусть план Сатору отдавал полнейшим безумием, его непоколебимая уверенность убедила остальных довериться ему. Ради этого Акико и Чуя даже переступили через себя, мужественно дочитав до конца те кошмарные книжонки и сдержав так и рвущиеся наружу язвительные комментарии.

— Ладно... Я обещаю, что вы обо всем узнаете первыми, — сдался Кавех под обстрелом умоляющих взглядов. — А теперь уже поздно. Марш по кроватям, живо!

— Есть! — дружно отпраповали все трое.

— Если вы пришли расспрашивать о нас с Кавехом, можете разворачиваться и идти спать.

Аль-Хайтам даже взгляда не поднял на незваных гостей, с ходу раскрыв карты. Однако Сюдзи Цусима, крепко вцепившись в рукав Сакуносукэ Оды, бесцеремонно уселся на край кровати с самым непреклонным видом. Выкурить его отсюда теперь было задачей не из легких — Сюдзи прекрасно знал, что секретарю проще уступить, чем тратить драгоценные силы на то, чтобы выставлять их за дверь. К тому же, присутствие молчаливого Оды добавляло им веса.

Аль-Хайтам вздохнул и закрыл книгу.

— Ровно десять минут. Если не уложите — выметаетесь без лишних разговоров.

— Договорились! — охотно согласился Сюдзи, сверкнув глазами.

— Тебе ведь нравится Кавех? — без лишних предисловий спросил Цусима. Время поджимало, и он решил сразу бить в лоб.

Аль-Хайтам на секунду задумался.

— Пожалуй.

Кавех понимал, что Аль-Хайтам — единственный в своем роде, но и Аль-Хайтам прекрасно сознавал уникальность соседа. Он разглядел эту непохожесть на других гораздо раньше самого архитектора. Долго анализировал, раскладывал по полочкам, пока не определил его для себя как «обратную сторону зеркала», стараясь заглушить иррациональное, непривычное тепло в груди.

Удивительно, что человек с таким математически точным умом пытался уйти от ответов на столь очевидные вопросы. И тем не менее, это было так. Он и сам не мог с уверенностью сказать, кем для него стал Кавех.

Сожителем? Заклятым врагом? Членом семьи?

Ни одно определение не подходило полностью.

— А если пройдет много времени, а вы так и не разберетесь в себе? Допускаешь ли ты, что вы можете разойтись по другим причинам? — допытывался Сюдзи.

— Всё возможно, — ровно ответил Аль-Хайтам.

Многое зависело от того, повзрослеет ли наконец его жилец. Если Кавех научится разумно

распоряжаться финансами и перестанет безрассудно бросаться на помощь каждому встречному, то по возвращении в Сумеру он вполне может съехать. Аль-Хайтам искренне желал ему этого роста и самостоятельности, вот только, судя по всему, до этого момента было еще очень далеко.

— Вот оно как... — протянул Сюдзи, пытаясь уловить хоть какую-то эмоцию на лице собеседника.

Досада? Ожидание? Или абсолютное равнодушие?

Пытаться прочесть Аль-Хайтама — неблагоприятное занятие. Секретарь изо дня в день носил одну и ту же маску спокойствия, разгадать которую не всегда удавалось даже такому проницательному эсперу, как Цусима. Одно было ясно: этот разговор заставил Аль-Хайтама слегка поднапрячься.

— И ты собираешься оставить всё как есть? Зная, что между вами уже давно творится что-то неладное?

— Нынешнее положение дел меня устраивает.

В стабильности был свой резон. Никаких лишних драм и глупых выяснений отношений. Дистанция сожителей очерчивала безопасные границы, внутри которых они могли сосуществовать мирно и комфортно. Кавех, скорее всего, колебался по той же причине. Текущие отношения балансировали на грани дозволенного; шаг вперед мог обернуться либо полным разрывом, либо непредсказуемыми последствиями, а рисковать не хотелось никому.

— Вы ведь не станете обсуждать это открыто?

— Нет.

— А если всё окончательно выйдет из-под контроля?

— Время покажет, — Аль-Хайтам предпочел пустить всё на самотек.

Если чувства окрепнут настолько, что сдерживать их станет невозможно — что ж, тогда придется поговорить. Если же это лишь временное поветрие, то рябь на воде сойдет сама собой, и озеро их жизни вновь станет гладким. А значит, и ворошить прошлое незачем.

— Что ж, ладно.

Вопросов у Сюдзи больше не осталось. Он соскочил с кровати и потащил за собой молчаливого Оду, так ничего и не понявшего из этой философской беседы. Они перебрались в соседнюю

комнатку, где их уже поджидала остальная троица, успевшая вооружиться подушками.

— Ну что там? Безднадёжно? — зашептал Сатору.

— Непрошибаемый сухарь, — вынес суровый вердикт Цусима.

Собравшись в тесный кружок, заговорщики обменялись разведданными. Картина вырисовывалась классическая: больше чем друзья, но до влюбленных еще топать и топать. С места эту парочку не сдвинуть, да и глаза им не открыть — упорно делают вид, что спят.

— Обыкновенная тягомотина. Знаете, как в затянувшейся манге: читатели уже локти кусают от досады, а главные герои всё никак не поцелуются, — проворчал Сатору, мысленно примеряя на опекунов сюжет какого-то глупого девичьего комикса, который когда-то случайно полистал.

И откуда только набрался этих познаний?

— Ладно вам, пусть сами разбираются, — философски подытожил Цусима. — Искорка между ними есть, а если лезть слишком часто, только всё испортим.

Сюдзи не собирался сесть раньше времени из-за чужих амурных дел. Главное, что разъезжаться эти двое пока не планируют, а остальное утрясется само собой.

<http://bllate.org/book/18256/1755681>